

УДК 327: 94(4)

В статье рассматривается историческая ретроспектива и эволюция подхода Франции к проблемам военно-политической интеграции в Западной Европе. Показаны направления деятельности Франции для оживления военно-политического сотрудничества. Выявлены пределы учета Францией внешнеполитической концепции группировки – Европейского Союза (ЕС). Доказана невозможность проведения эффективной политики Евросоюзом в военно-политической сфере без пересмотра основ его функционирования.

Ключевые слова: Франция; внешняя политика; военно-политическая интеграция; межгосударственное сотрудничество; эволюция европейского политического строительства.

The article deals with historical perspective and evolution of France's approaches to political and military integration in Western Europe. Activities of France aimed at revitalization of political and military cooperation are showed. The limits of France's accounting of foreign policy concept of the European Union (EU) – are revealed. The impossibility of carrying out effective military-political policy in the EU without revising the basics of its functioning.

Key words: France; foreign policy; political and military integration; interstate cooperation; evolution of European political cooperation.

А. С. Сидоров

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: alexandres.sidorov@gmail.com

Эволюция подхода Франции к военно-политической интеграции в Европе: спорные результаты

Научная статья

A. S. Sidorov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: alexandres.sidorov@gmail.com

Evolution of France's Approach to the Political and Military Integration in Europe: Debatable Results

Scientific article

На протяжении V-й Республики (1958 г. – по настоящее время) Франция – одна из стран-основательниц европейских сообществ – стремилась формировать, определять стратегию развития европейской интеграции в соответствии со своими национальными интересами. С точки зрения историка представляет интерес исследование политической интеграции с позиции Франции за период, начиная с прихода к власти Ш. де Голля (1959–1969 гг.) до конца правления первого президента-социалиста Ф. Миттерана (1981–1995 гг.). Этот курс, оставаясь константой внешней политики Франции, претерпел значительные трансформации за короткий с исторической точки зрения период и приобрел самостоятельное значение.

Первый период правления президента Ф. Миттерана (1981–1988 гг.) интересен тем, что Фран-

ция путем выдвижения интеграционных инициатив, поддержки европейских союзников, особенно ФРГ, и всей своей практической деятельностью стремилась создать мощный импульс для устойчивого развития политических процессов в Западной Европе.

Второй период президентства Ф. Миттерана (1988–1995 гг.) показателен тем, что, несмотря на усилия Франции в области европейского строительства, даже с подключением потенциала ФРГ Евросоюзу не удалось в полной мере компенсировать последствия расширения (страны ЦВЕ). Это расширение «нового типа» – по масштабам и по качеству – де-факто изменило характер политического проекта ЕС, что до сих пор не признано официально и не осмыслено в полном объеме. Прагматичное французское руководство с учетом

сокращающихся ресурсов Франции посчитало продуктивным усиление двух- и трехстороннего военно-политического сотрудничества в ЕС.

Отмеченные явления требуют исторического осмысления прежде всего на фоне проведения Францией европейской политики в сочетании с личными воззрениями Ф. Миттерана на ход и конечные цели интеграции. Исследование данной темы представляется полезным для уяснения закономерностей развития европейского комплекса политической интеграции, перспектив взаимодействия с окружающим миром. Франция даже в кардинально изменившихся геополитических условиях использует прежние подходы, не выходя за пределы, очерченные и сформулированные Ф. Миттераном десятилетия назад.

Историческая практика европейского строительства показала, что достижения в области проведения совместной внешней и оборонной политики были бы невозможны без накопленной «критической массы» осуществленных Ф. Миттераном акций, особенно в завершающий период его президентской карьеры. На протяжении всего послевоенного периода, в том числе и конъюнктурно благоприятного для развития западного общества («славного тридцатилетия»), вопросы, так или иначе связанные с интеграцией, получали поддержку устойчивого большинства населения. Тенденция в последние десятилетия усилилась и приобрела, вероятно, необратимый характер, однако качественного перелома в ее развитии не произошло.

Доминирующий в повседневной деятельности ЕС принцип *межгосударственного* сотрудничества определяется в большей степени национально-государственными механизмами входящих в объединение стран, несмотря на то что принцип «единства любой ценой» становится все менее привлекательным и продуктивным. И хотя государственность в том виде, в каком она существует в европейских странах, не является непреодолимым препятствием на пути общих подходов, Франция осуществляла односторонние дипломатические и военно-политические акции, зачастую используя международный авторитет ЕС [1]. Отсутствие в своё время механизмов кризисного реагирования в Сообществе [2] лишь оправдывало с точки зрения Франции такие действия.

До настоящего времени, а именно в период прогресса Европейской политики безопасности

и обороны (ЕПБО) с ее разветвленными командно-штабными структурами, механизмами кризисного реагирования, Евросоюз сохраняет недоверие к военным операциям в Африке (операция 2008–2009 г. *EUFOR Tchad/RCA*), подозревая Францию в использовании политического капитала ЕС в своих интересах [3].

Вполне закономерным и оправданным с точки зрения Франции явилось выдвижение и отстаивание концепции «изменяемой геометрии», о которой Ф. Миттеран говорил еще в Европарламенте (май 1984). Концепция, с одной стороны, отражала реальность, с другой, – по его мнению, дополняла, а не подменяла централизованную структуру ЕС. Ряд французских экспертов усматривали в основе появления этой концепции британскую позицию по отношению к ЕС. Концепция «изменяемой геометрии» могла помочь «обойти» английскую проблему [4], так как «система общих правил, – писал П. Фонтен, – не может больше объединять страны со специфическими традициями, различной степенью экономического развития и устремлениями» [5].

Вместе с тем дальнейшее усиление прерогатив Европейского совета, за что также активно выступала Франция, в условиях господства правила единогласия вызвало серьезные сомнения относительно дееспособности общей внешней политики группировки, особенно в условиях внешних кризисных ситуаций. В этом смысле показателем паралич политических структур ЕС в ситуации в бывшей Югославии (1999). Не исключен риск, что сам ЕС может стать объектом манипуляции заинтересованных групп влияния, заложником процедуры принятия решений, как было в ходе подготовки голосования по Лиссабонскому договору (референдумы во Франции и Нидерландах 2005 г.). То же может случиться в процессе принятия какого-либо чувствительного для ЕС решения в случае вынесения его на референдум в одной из стран.

Франция всегда считала себя конкурентоспособной в области безопасности и обороны. Если исходить из того, что эти сферы всегда составляли органичный аспект французского европейского проекта [4], будучи, как подчеркивал председатель Европейской комиссии (1985–1995) Ж. Делор, одним из путей оживления Европы [6], можно попытаться ответить на вопрос, достижима и правомерна ли задача создания европейской обороны

как независимого от США и эффективно действующего военно-политического образования.

Франция активно развивала контакты с союзниками, поддерживала попытки усилить военно-политическую составляющую в деятельности ЕЭС в течение всего президентства Ф. Миттерана. Это сотрудничество тогда рассматривалось Францией прежде всего как символ солидарности, а не как военная необходимость. И в обозримом будущем скорее всего не будет условий для создания эффективно действующей самостоятельной европейской военной структуры. Однако попытки ее возникновения вполне вероятны, причем в виде структуры *ad hoc*, а не постоянной или имеющей новаторский характер. Обеспечение геополитической и геостратегической стабильности в мире потребует создания профессиональных войск быстрого реагирования [7], хорошо обученных, оснащенных, мотивированных и очень дорогостоящих сил.

Реакцией на низкую результативность общей внешней политики и политики безопасности стали практически одновременные (во Франции и в ФРГ) попытки создать «жесткое ядро» ЕС. За этим последовал ряд подготовительных мер к межправительственной конференции (1996) и подобных инициатив, выдвинутых в различных европейских структурах.

На каждом историческом этапе реализации масштабного и уникального европейского интеграционного проекта роль его активных участников, особенно Франции – страны, которая в ходе всей послевоенной истории, *сознательно или вынужденно*, прочно связала свою судьбу с успехом европейского строительства, имела очень большое значение. С нашей точки зрения, Франция выступала и выступает как оригинальный игрок, сохраняющий по ряду важных проблем развития Европы свое мнение, стремление и волю их решать.

Правление Ф. Миттерана представляет интерес для уяснения характера эволюции подходов Франции к политической и военно-политической интеграции и проекции ее на современный период. Действительно, с завершением его президентской карьеры во Франции более не осталось значимых политических сил, каждая из которых руководя страной, имела возможность генерировать или поддерживать какие-либо новаторские подходы по проблемам политической интеграции Европы.

С конца 1980-х–начала 1990-х гг., именно при Ф. Миттеране, самом глубоком, по моему мнению, реформаторе голлистских принципов внешней политики, страна вступила в период коренной ломки устоев. Именно при Ф. Миттеране был создан серьезный задел, который позволил последователям-конкурентам более или менее успешно адаптировать внешнюю политику Франции к изменившимся условиям, в том числе на европейском направлении.

Подход Франции заметно трансформировался – вплоть до признания конечной федеративной цели будущего Европейского Союза и права европейцев заниматься собственной безопасностью. Следствием такой эволюции стало выдвижение и поддержка Францией с середины 1980-х гг. концепции «изменяемой геометрии», а также практики т. н. продвинутого сотрудничества в разных областях. При этом активно задействовался интеграционный потенциал отдельных участников ЕС, прежде всего ФРГ.

Можно предположить, что Франция при Миттеране под общими лозунгами политического объединения Большой Европы (имеется в виду вступление в ЕС стран ЦВЕ) в действительности всей своей практической деятельностью способствовала возрождению Малой Политической Европы в составе первоначальных участников ЕС. Не в последнюю очередь благодаря усилиям Франции в ЕС к середине 1990-х гг. окончательно оформилось «твердое реформаторское ядро» – группа стран, способная и желающая идти дальше и быстрее остальных по пути политической интеграции. Однако даже в этой группе прогресс на этом направлении, дополненном единой политикой в области безопасности (Амстердамский договор 1997), был неравномерным.

Франция возглавила ограниченную группу стран, которые выступили за создание политической Европы, в отличие от остальных (прежде всего новых стран), для которых такие амбиции менее характерны. Им, по понятным причинам, была ближе экономическая тематика. При этом следует оговориться, что провозглашенные еще в Едином европейском акте (ЕЕА, 1986) цели образования *субъекта международного права*, независимого игрока, располагающего собственными средствами; создания мобильного и эффективного инструмента осуществления своей коллективной воли до сих пор не достигнуты. Приобретенные ЕС

в последующие годы внешние атрибуты – политика, стратегия, пост Верховного представителя Союза по иностранным делам и политике безопасности (аналог МИД) – до сих пор не дают оснований ассоциировать Евросоюз с более или менее единым политическим центром.

Парадоксально, что именно Франция ввела в Маастрихтский договор (1992) понятие «исключительного случая», тем самым поставив только ей понятные пределы развитию общей внешней политики и политики безопасности. Франция, несмотря на эволюцию в этом вопросе, продолжает рассматривать политическую Европу как реально независимую общность, способную в случае необходимости действовать без оглядки на США¹.

Даже на уровне ведущих стран – Франции, ФРГ, Великобритании – имеются различные толкования, казалось бы, единых категорий (нация, суверенитет и т. д.). Сохраняются различия между геостратегическими культурами, традициями и практикой силового вмешательства за пределами Европы, с одной стороны, и «национал-пацифизмом» и нейтрализмом, – с другой.

На дееспособность Европы и ныне продолжает оказывать негативное влияние ряд факторов, уходящих корнями в историческое прошлое ЕС. Среди них – несовершенство соответствующих европейских институтов с неэффективной системой принятия решений; произвольное разделение компетенций между государствами и европейской общностью с недостаточными собственными ресурсами; затянувшийся поиск равновесия между государствами и наднациональными институтами. Хотя, казалось бы, «процессы военно-политической интеграции, новые формы межгосударственных союзов, захватывающие более широкие сферы сотрудничества, нежели чисто военные..., неизбежно ведут к передаче каких-то традиционно суверенных функций в ведение... наднациональных органов» [8].

Все вышеперечисленные старые проблемы ставят Францию перед трудным выбором: ограничиться минимальными совместными акциями или действовать в одиночку или на многосторонней

основе с риском ослабить восприятие ЕС в мире как сплоченной политической единицы.

Франция в свое время активно поддержала развитие военно-политической компоненты, рассматривая это как второй путь оживления интеграции. К концу президентства Ф. Миттерана Франции вместе с партнерами удалось создать организационно-правовые рамки военно-политического сотрудничества.

При непосредственном участии Франции были последовательно созданы франко-германская бригада, Еврокорпус, два многонациональных соединения Еврофор (сухопутное) и Евромафор (морское), а также франко-британское авиационное формирование. Эти структуры, образующие костяк «европейской обороны», рассчитаны в основном на наземные операции обычного типа на европейском театре военных действий (ТВД) (наименее вероятный сценарий).

Именно Франция позднее острее других ощутила практическую неприменимость этого затратного механизма в реальных внешних операциях ЕС в Африке. Так, подразделения франко-германской бригады (заметим, боевого контингента) используются и в Европе не по профилю, например при ликвидации последствий наводнений [9].

Но главное, на наш взгляд, состояло в том, что интенсификация военно-политического сотрудничества (за что всегда ратовала Франция) происходила в гораздо большей степени на *межгосударственной* основе – при всех плюсах и минусах, – чем в рамках общих структур ЕС. Тем самым подрывалось коммунитарное начало, нарушалось равновесие внутри ЕС: ограничивалась роль Еврокомиссии при одновременном усилении Европейского совета.

Апелляция к практике продвинутого сотрудничества и другим способам обхода права вето (понятие эксклюзивной сферы ответственности) не приблизила самых активных участников к введению голосования большинством в рамках общей внешней политики и политики безопасности к интеграции суверенитетов. Отказ от практики голосования большинством стал отличительной особенностью именно военно-политического аспекта интеграции, а активное подключение Великобритании к этому процессу послужило дополнительной гарантией господства здесь *межправительственных* подходов.

¹ Эта позиция не в полной мере разделяется ФРГ, не говоря уже о Великобритании, без поддержки которой успешное продвижение на пути военно-политической интеграции невозможно в принципе.

Вышесказанное позволяет утверждать, что серьезные достижения в области военно-политического и военно-технического взаимодействия, основы которых были заложены в период Миттерана, не способствовали ускорению интеграции. Эти достижения продемонстрировали работоспособность и определенную эффективность существующих механизмов, но явились скорее индикатором отхода от политики собственно интеграции. Потенциал ЕС до сих пор в должной мере не реализован.

В период президентства Ф. Миттерана и впоследствии было немало возможностей продемонстрировать заинтересованность Франции в успехе европейской политической интеграции. Она сделала шаги, в недалеком прошлом казавшиеся немыслимыми с точки зрения привычного голлистского целеполагания, но цена вопроса – политическая прежде всего – оказалась, с нашей точки зрения, неподъемной для Франции. Эволюция подхода Франции к интеграции подвела страну к пределу, за которым лежит пересмотр принципов национальной политики. В свою очередь, европейский политический проект претерпел столь значительные изменения, что нуждается в переосмыслении с позиции своего собственного развития и участия в нем отдельных стран.

Ссылки

1. National foreign policies and European political cooperation. L., 1983. 207 p.
2. Montbrial Th. de. Reflexions sur l'Europe politique // Politique étrangère. 1981. N 3. P. 23–34.
3. Rayroux A. L'Union européenne en quête de crédibilité dans le maintien de la paix en Afrique: leçons de la mission EUFOR Tchad/RCA // Bulletin du maintien de la paix. 2011, Juin. N 101. URL: <http://www.ieim.uqam.ca/IMG/pdf/No101internet.pdf>
4. Moreau Defarges Ph. "J'ai fait un rêve... ». Le président François Mitterrand, artisan de l'Union européenne // Politique étrangère. 1985. N 2. P. 359–375.
5. Fontaine P. Une Europe "à plusieurs vitesses"? // Politique internationale. 1984. Automne. N 25. P. 289–299.
6. Delors J. Quels ressorts pour l'Europe? // Politique étrangère. 1986. Hiver. A. 51. N 4. P. 1069–1082.
7. Питт Ж.-Р. Франция: пер. с фр. 3-е изд. М.: Новый хронограф, 2010. 351 с.
8. Поздняков Э. А. Философия политики. М.: Палея, 1994. Т. 1. 276 с.
9. Сидоров А. С. Военно-силовая проекция интеграционного евростроительства: амбиции и реалии // МЭ и МО. 2014. № 2. С. 109–118.